

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ГЛУПЕЕ, ЧЕМ СОБИРАТЬ МАРКИ? —

задает вопрос драматург **Виктор Розов**. И собирает

Коллекционированию почтовых марок отдают досуг многие. Среди известных филателистов — Анатолий Карпов, Эмиль Брагинский, Борис Стругацкий. Были завзятыми собирателями артист Михаил Жаров, президент Франклин Рузвельт, полярник Эрнст Кренкель... И, без сомнения, почетную строку в этом списке занимает наш известнейший драматург Виктор Розов. На выставке «Россия-90» его коллекция «Конкурсные рисунки, проекты и пробы советских почтовых марок» получила золотую медаль.

— Виктор Сергеевич, как марки вошли в вашу жизнь?

— Собирать их начал с детства, на двоих с товарищем. Потом мы подросли, разъехались учиться: он попал в Свердловск, а я — в Москву. Коллекцию разделили, и так как я жил буквально бедно, то свою часть продал. Не помню, за сколько, но — за сравнительно небольшие деньги. Тогда благодаря маркам у меня был кусок хлеба.

Уже по-настоящему, серьезно я увлекся филателией лет в сорок шесть. У меня случился инфаркт, а следом то, что называется «уходом в болезнь»: все стало безразлично, перестали интересовать книги, житейские дела. Но однажды приходит сосед Владимир Семенович Калабушкин, подсаживается к постели: «Посмотрите, вот альбомчик с марками человек продает, 37 рублей просит. Может, заинтересует?» И, знаете, я вдруг потянулся к маркам и быстро пошел на поправку.

— И что же вы собираете нынче?

— Собирал марки самых разных стран. Одолею, например, до конца хронологию (все выпуски Лихтенштейна, Исландии, Ирландии, Израиля), и эта марочная страна сразу перестает меня волновать, коллекционировать ее я прекращаю. Из-за этого я порядочно уж лет тому назад решил собирать Китай. Вот что не надоест, ибо в этой стране государственных и местных марок столько, что никогда не соберешь все. Кстати, так же, как и в Советском Союзе. Здесь я сначала «отсек» все пос-

левоенные выпуски, а у довоенных особенно заинтересовался всевозможными вариантами печатных форм, ошибками, «фокусами» типа пропусков зубцовки.

— А какие марки в коллекции самые любимые?

— Первые две советские миниатюры 1918 года — «Рука с мечом, разрубающая цепь». Собирать их мне увлекательно.

— Разве увлекательно собирать всего-навсего две марки?

— Это только кажется, что две. Я же ищу их со всеми ошибками и разновидностями рисунка, выбираю мельчайшие типографские различия. Исследую периоды их почтового обращения (а значит, коллекционирую и конверты с ними). Кроме того, в 20-е годы «Рука с мечом» приобрела вторую жизнь — при многомиллионных тиражах тогда оставались большие запасы на складах, и марки снабдили надпечатками в пользу голодающих, а также для доплаты за письма и для оплаты контрольного сбора при филателистическом обмене с заграницей. В тех выпусках тоже есть свои «изюминки».

— А ваша «золотая» коллекция?

— Это дело случая. Мне предложили эскизы марок, их было много. Другой бы обрадовался: много — это ж хорошо! А я озадачился: куда мне столько! Но я приобрел-таки работы художников-марочников.

— И на выставке, помню, ваши стенды вызвали огромный интерес.

— Да?! Приятно. Знаете, кто-то

из руководства тогдашнего Минсвязи все наставлял меня: «Это же у вас, Виктор Сергеевич, музейные вещи, их бы в музей...» А я думал про себя: «Фиг вам — музей. Все разворовали. Эти-то марочные рисунки откуда? Тоже, небось, много лет назад в музее были, да сплыли... А теперь — обратно? Чтобы снова замели?» В том выставочном экспонате часть эскизов, проб и проектов марок была к пятилетию, а часть — к десятилетию Советской власти. Некоторые стали полноценными почтовыми марками. А я, выходя, исследовал их предысторию, показывал истоки почтовых выпусков.

— Вот в этом стремлении разобраться до конца и есть, очевидно, суть подлинного коллекционера.

— По-моему, каждому человеку интересно иметь хобби. Не важно, в чем именно это выражается: в собирательстве этикеток, чтении книг, разведении цветов... В любом случае это — полное отвлечение от житейской, рабочей нагрузки, уход в некий таинственный мир странных увлечений. Ну, в самом деле, «что может быть глупее — собирать марки!»

— С бытательской точки зрения...

— Конечно. Собирай фарфор или там хрусталь, деньги вкладывай — это еще куда ни шло... Так порой рассуждают. А я назыву немало выдающихся людей, которые счастливы именно в таких странных увлечениях. Вот я, например, с марками отдыхаю, и тогда в моем мозгу работают совсем другие участки. А творческие участки мозга в это время набираются сил.

— Между тем число коллекционеров в стране падает, клубы разваливаются.

— В филателии происходит то же, что в остальных сферах человеческой деятельности — в театре, в кинематографе, в торговле,

в промышленности, в финансах... Конечно, как во всем, в филателии и сейчас пробиваются живые ростки: коллекции хорошие есть, молодежь стремится не только в спекуляцию марками. Но все меньше такого, все меньше.

Это потому, что произошла смена ориентиров в ряду человеческих ценностей. Сейчас самая главная ценность — иметь много денег. И неважно, каким образом.

Знаете, у меня был в коллекции старый конверт, весь в наклейках: почтальон девять (девять!) раз приходил к адресату с письмом и не заставал его дома, писал записки типа «Такого-то числа адресата не было дома». Девять раз ходил с письмом! Поразительно, какое было отношение. Это меня очень радовало всегда. Считаю, что, кроме как своим трудом, человек ничего хорошего не делает. И государство останется бессильно, если будет полагаться, как сейчас, на спекуляцию.

— Виктор Сергеевич, в чем прелесть филателии?

— Марки помогают человеку быть наедине с собой. Это очень важно. Если ему с собой не интересно, значит, он очень серый человек. Все великие примечательны тем, что они **уединялись**, — я подчеркиваю это слово. Вот и марки учат быть с самим собой, сосредоточиваться на собственной душе. А телевизор и все прочее подобное лишь помогают себя потерять. Не теряйтесь!

Беседовал
Евгений ОБУХОВ.

Розов Виктор

18.4.95.